



УДК 339.

Єщенко П.С., д-р екон. наук
професор кафедри економічної теорії Київського національного
університету імені Тараса Шевченка

Арсеєнко А.Г., канд. істор. наук
провідний науковий співробітник відділу економічної соціології
Інституту соціології НАН України

НОВА ПАРАДИГМА РОЗВИТКУ ЕКОНОМІКИ – НАСТІЙЛИВЕ ВЕЛІННЯ НАШОГО ЧАСУ

Розглянуто основні економічні концепції ХХ ст. і першого десятиріччя третього тисячоліття, що покладені в економічну політику різних соціально-економічних систем. Зроблено детальний аналіз реалізації неоліберальної політики в економіках різних країн. Обґрунтовується необхідність переходу на нову парадигму економічного розвитку.

НОВАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ – НАСТОЯТЕЛЬНОЕ ВЕЛЕНИЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Мировое развитие в русле "laissez fair". Дискутируя с нами, Л.Николаенко предпринял удачную попытку социологического анализа недостаточно изученных элементов неоліберальной политики. С одной стороны, он показал превращение неоліберализма в одноименный способ мышления и понимание социальных процессов в западной "экономике", с другой – выявил социальные последствия внедрения неоліберальной политики в экономику. Им высказан ряд интересных идей о классических моделях национальных экономик ХХ и начала ХХІ ст., о субъектах кризисных действий, о разрушении политической экономии и ее замене экономической теорией, что в социологическом измерении привело к катастрофическим последствиям. Рассмотрение социума как среды и средства извлечения прибыли, представление о рынке как некой идеальной машине, где существуют невидимые механизмы саморегулирования, по мнению автора, являются ложными, с чем нельзя не согласиться.

Развитие событий показало, что современная мировая экономика превратилась в конгломерат транснациональных структур и национальных хозяйственных систем разного масштаба, уровня и качества. Большинство ученых и простых людей задаются сегодня вопросом: почему же существует и усиливается такая разительная дифференциация между странами и внутри каждой страны в доходах, уровнях и качестве жизни людей?

Ответ очевиден: причина этого диспаритета кроется в современной экономической политике и тех экономических концепциях, которые лежат в ее основе. За последние сто лет в странах с капиталистическим способом производства, где контроль над капиталом осуществляют собственники средств про-



изводства и главной целью является получение максимальной прибыли, используются две концепции экономической роли государства: кейнсианство и либерализм (таблица). Представленные экономические концепции капиталистического способа производства, начиная с общей теории Дж.М.Кейнса, в отличие от основателей классической школы и неоклассиков рассматривают национальную экономику как сочетание не одного, а двух начал: 1) конкурентного рынка на базе частной собственности, включая монополию; 2) регулирующей роли государства. В этом у них противоречий нет.

Таблица

**Основные формы и методы государственного регулирования
капиталистической экономики**

Кейнсианство	Неолиберализм
<ul style="list-style-type: none"> – жесткая налоговая политика, включая прогрессивно возрастающие налоговые ставки на доходы предпринимателей; – увеличение бюджетных расходов на стимулирование производства, включая создание мощного государственного сектора экономики, а также на социальные и региональные программы; – увеличение бюджетного дефицита в период экономического спада для стимулирования спроса; – стимулирование роста реальных инвестиций, особенно в высокотехнологичные и наукоемкие производства, и уменьшение различных форм сбережений, не связанных с экономическим ростом; – жесткие административные меры, направленные на ограничение монополизма и регулирование рынка в интересах большинства населения (разнообразные формы льгот, запретов, лицензирования, квотирования, сертификации и т.п.); – поддержание эффективного производителя. 	<ul style="list-style-type: none"> – либеральная налоговая политика; – сокращение и вообще минимизация бюджетных расходов как на экономику (в т.ч. урезание до минимума различных дотаций, субсидий как регионам, так и отраслям экономики, включая сельское хозяйство и т.п.), а также на социальные нужды (перевод образования, здравоохранения, коммунального хозяйства, дошкольных учреждений и даже пенсионной системы на рыночные отношения и т.п.); – недопустимость в принципе бюджетного дефицита; – отмена любых административных ограничений, мешающих свободе конкуренции и предпринимательской деятельности; – свобода передвижения капитала как внутри страны, так и между странами; – полная либерализация внешнеэкономической деятельности; – ликвидация неэффективных производств, в т.ч. через систему банкротств.

Однако для кейнсианства (и его вариантов) характерно то, что государство является активным и равноправным экономическим субъектом рынка. Главные объекты государственного регулирования национальной экономики – поддержание и формирование *эффективного спроса* в целях обеспечения устойчивого экономического роста, в том числе защита доходов, включая зарплату.

Концепция либерализма в различных его формах, включая такое модное ныне направление, как монетаризм, имеет генетическую связь с теорией свободного рынка, свободной конкуренции А.Смита и А.Маршалла (отсюда и приставка нео-). Представители этого направления не допускают широкого



вмешательства государства и глубокого проникновения его в рыночную экономику. Государство, по их мнению, в целом необходимо, но оно способно тормозить экономическое развитие. Поэтому экономическую роль государства следует ограничить соблюдением "правил" функционирования рыночной экономики, оставить за ним роль судьи и арбитра, которые заставляют рыночных "игроков" соблюдать установленные "правила игры". Ни одна из этих концепций в реальной экономической практике в чистом виде никогда не применяется, поскольку жизнь есть всегда сложнее и многообразнее любых теоретических концепций.

Дж.М.Кейнс был абсолютным приверженцем идей либерализма и всей своей теоретической и практической деятельностью способствовал сохранению капитализма. Но он прекрасно понимал, что капиталистическая система в том виде, в котором она существовала в 20–30 гг. XX ст., поставила мир капитала на грань взрыва и требует совершенствования, которое он видел в социализации капитализма, что позволит ему не только сохраниться, но и приобрести новые черты, делающие его более привлекательным и жизнеспособным. В определенной мере это было подтверждено той практикой в капиталистических странах во время Великой депрессии и послевоенный период, которая базировалась на теоретических постулатах, рекомендованных Дж.М.Кейнсом.

Идеологическое становление неолиберализма тесно связано с именами австрийских экономистов Людвиг Эдлера Мизеса и его ученика Фридриха фон Хайека. Неоавстрийцы под их влиянием отвергли теорию общего экономического равновесия, математическую экономику, эконометрику и экономическое прогнозирование как инструменты управления экономикой. Ф.Хайек сделал попытку объединить маржинализм и монетарную теорию, установил, в частности, что денежно-кредитная политика может влиять на структуру экономики через изменение реальной ставки процента [1].

Вначале идейные установки неолибералов не пользовались популярностью в научных кругах, но они быстро получили признание в среде крупного бизнеса в англосаксонских странах, обеспокоенного возрастанием роли государства в экономике, ростом налогов и падением корпоративных прибылей. В связи с этим научный центр неолиберализма переместился в Чикагский университет, ставший инкубатором Милтона Фридмана по выращиванию "чикагских мальчиков", пустивших под откос не одну страну, в том числе на постсоветском пространстве. "Фридман и его учитель Фридрих Хайек заботливо хранили пламя чистого капитализма, незапятнанного кейнсианскими попытками собрать общественное богатство, чтобы построить более справедливое общество" [2, с. 34], – пишет канадский социолог Наоми Кляйн.

Предшественником неолиберализма был экономический либерализм XVIII–XIX вв. с его сакрализацией "свободной торговли". Разница между старым и новым либерализмом, как отмечает профессор Инсбрукского уни-

верситета Клаудиа фон Верлхоф, заключается в том, что "либеральные экономические цели прошлого в настоящее время не только эйфорически воскрешены, но и стали 'глобализированными'" [3]. По мнению профессора Колумбийского университета, лауреата Нобелевской премии Джозефа Стиглица, неолиберализм представляет собой "сборную солянку идей, основанных на представлении фундаменталистов о том, что рынки – это саморегулирующиеся системы, которые эффективно распределяют ресурсы, а также хорошо служат интересам общества". Стиглиц считает, что неолиберальный рыночный фундаментализм всегда был политической доктриной, которая служит определенным интересам и никогда не поддерживалась ни экономической теорией, ни историческим опытом [4].

Квинтэссенция "laissez fair" ("пусть они делают, что хотят») состоит в том, что правительственная политика разрешает частнокапиталистическому бизнесу самостоятельно определять свое поведение, а это якобы позволяет потребителям и производителям выбирать правильные решения. Такая позиция государства в отношении бизнеса целиком и полностью соответствовала в 1970-е годы интересам сильных мира сего, обеспокоенных падением прибылей после окончания лучших послевоенных времен. Поэтому принцип "laissez fair" был положен в основу неолиберальной экономической политики на Западе при активном продвижении его в экономическую практику западной "экономики".

Неолиберализм в историко-социологической ретроспективе. Испытательным полигоном неолиберальной модели Фридмана-Хайека в развивающемся мире стали Чили после военного переворота в 1973 г. В первые полтора года своего правления генерал Пиночет приватизировал некоторые государственные банки и компании, устранил все барьеры и широко открыл границы на пути иностранного импорта, сократил правительственные расходы, за исключением разбухших военных затрат, упразднил контроль над ценами, в том числе на предметы первой необходимости. Однако обещанное равновесие в экономике после этого так и не было восстановлено, инфляция в первые годы правления военной хунты зашкалила за 500%, а в отношении предметов первой необходимости приблизилась к 1000% [2, с. 110–111; 5, с. 18–20].

Для спасения чилийского эксперимента в марте 1975 г. в Сантьяго с целью введения "шоковой терапии" прибыли столпы американского монетаризма М.Фридман и А.Харбергер. По их совету Пиночет и его команда приступили к демонтажу социального государства, к 1980 г. они сократили общественные расходы на 50% по сравнению с периодом правления С.Альенде. По мнению американского исследователя Андре Г.Франка, рецепты М.Фридмана были настолько мучительны, что их было невозможно "внедрить или выполнить без двух элементов, на которые они опираются: без военной силы и политического террора" [2, с. 117].

Лечение чилийской экономики в соответствии с рецептами М.Фридмана дорого обошлось чилийскому народу. В 1982 г. экономика страны находилась на грани краха, национальные долги выросли до невероятных размеров, страну разъедала гиперинфляция, безработица достигла 30% – в 10 раз больше, чем в эпоху С.Альенде. Во избежание экономической катастрофы Пиночет пошел на реализацию мер, которые в свое время успешно апробировал С.Альенде, например, национализировал многие из приватизированных ранее компаний. Стабилизация экономической ситуации в стране, названная потом "экономическим чудом", была достигнута не благодаря неолиберальным реформам, а вследствие трансформации режима Пиночета в корпоративистское полицейское государство. Но это "чудо" ничего не дало чилийскому народу, кроме перераспределения богатства в пользу богатых. По данным ООН, в 2007 г. Чили находились на 116 месте в списке из 123 стран, отличающихся значительным социальным расслоением [2, с. 118–120]. Тем не менее, чилийский опыт реформ использовался в Бразилии, Уругвае, Аргентине и других странах Латинской Америки, в англосаксонских и европейских странах.

Неолиберальная экономика обрела на Западе "второе дыхание" с приходом к власти Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана в США, видевших главный путь решения проблемы накопления в использовании неолиберальной парадигмы. Наряду с фридманистами новым экономическим гуру того времени стал один из влиятельных идеологов рейганизма, руководитель отдела Международного центра изучения экономической политики Джордж Гилдер. Его книга "Богатство и бедность" (1981) воспевала преимущества свободного капитализма и *экономической теории предложения* и стала "капиталистическим манифестом 'новых правых'" [6].

Неолиберальные реформы не оправдали возлагавшихся на них надежд, в том числе в эпицентре глобального капитализма. Вопреки обещаниям "рейгановской революции" привести страну к "более светлому будущему" США в результате этих реформ стали, как отмечают западные СМИ, социализмом для богатых и капитализмом для бедных. Достижения "новых правых" в восстановлении экономики США в 1980-е гг. не были такими весомыми, как это преподносится адептами рейганизма. По признанию американского историка Алана Бринкли, "К концу десятилетия промышленность находилась в состоянии хаоса. И правительство было вынуждено вмешиваться в ее дела, чтобы предотвратить полный коллапс" [7, с. 920]. Снижение уровня инфляции администрацией Дж.Буша-старшего было достигнуто за счет сокращения социальных расходов и проведения политики "социального реванша", позволившей заморозить рост реальной зарплаты. Западная "экономикс" проявила полную несостоятельность в решении поставленных задач и использовала неолиберализм с целью нового перераспределения богатства и доходов в пользу богатых за счет бедных.



По мнению американских социологов Дж.Петраса и Г.Велтмейера, новейший период капиталистического развития имеет два измерения (глобализация в теории/империализм на практике). В продвижении практики империализма под прикрытием теории глобализации важная роль отводится неолиберализму, который в последние десятилетия прошел четыре фазы [8].

Фаза I (1975–1982 гг.) тесно связана с режимом Пиночета. "Энергичные реформы" чилийской хунты были распространены на Аргентину и Уругвай, а затем реализованы в Великобритании и США. Опыт этих стран в проведении неолиберальных реформ использовался экономистами Всемирного банка (ВБ) в качестве модели структурных реформ, которые стали платой реформируемых стран за допуск в новый (неолиберальный) мировой порядок.

Фаза II (1983–1990 гг.) неолиберализма как империализма включает в себя процесс накопления капитала в планетарном масштабе; установление новой конфигурации экономической и политической власти; претворение в жизнь второго раунда неолиберальных "структурных реформ"; запуск идеологии глобализации для легитимации процесса реформ; процесс редемократизации как средства обеспечения политических условий для реализации структурной адаптации в виде стратегического соединения капитализма/экономического либерализма и демократии/политического либерализма.

Фаза III (1990–2000 гг.) может рассматриваться как "золотой век" передачи общественной собственности частному сектору; гигантского оттока капитала в виде прибыли от капиталовложений; выплаты долгов и взимания роялти. Этот период характеризовался отсутствием экономического роста, который составил менее 1% на душу населения, и растущим разрывом в распределении богатства и дохода. В 1990-х гг. банки и инвесторы получили огромную правительственную помощь для выхода из финансового кризиса, проведены второй раунд структурных реформ, приватизация и денационализация банков и стратегических предприятий, принят "постВашингтонский консенсус".

Фаза IV (2000–2009 гг.) началась с инволюции системы капиталистического производства и коллапса притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ), втягивания капитализма в политический кризис в результате растущего разочарования в неолиберализме, что привело к смене политических режимов в Аргентине, Боливии, Эквадоре, Бразилии, Уругвае, Венесуэле и других странах. Экономическое развитие в тот период все больше и больше основывалось на перестройке глобального производства в связи с экономическим бумом в КНР и Индии и увеличением их спроса на новые источники энергии, природные ресурсы и потребительские товары. К этому следует добавить "сдувание" спекулятивного пузыря в США, ставшее причиной первого в истории глобального финансово-экономического кризиса.

Решающую роль в глобализации неолиберальных реформ сыграло разрушение мировой социалистической системы и превращение США в единст-



венную сверхдержаву с претензией на мировое господство. Важную роль в этом отношении сыграло также превращение ВБ и Международного валютного фонда (МВФ) в "бульдогов неолиберальной идеологии" [9, с. 104.], наделенных особыми полномочиями в насаждении неолиберализма в планетарном масштабе после принятия "Вашингтонского консенсуса". С целью быстрого включения всех стран в орбиту периферийного капитализма в рамках "Вашингтонского консенсуса" были разработаны рекомендации по реформированию "новых рыночных экономик" в неолиберальном духе. Они были рассчитаны на страны "третьего мира", но автоматически перенесены на страны Восточной Европы и СНГ по принципу "один размер подходит для всех". "Вашингтонский консенсус" стал основой для проведения одного из самых жестоких экспериментов над людьми в современном мире, особенно в развивающихся и постсоциалистических странах.

Основные субъекты неолиберальной глобализации мира. Субъектов неолиберализма в мире так много, что рассмотреть каждый из них в рамках журнальной статьи не представляется возможным. Как отмечает патриарх французской социологии Пьер Бурдьё, неолиберальные программы черпают свою социальную силу из политической и экономической мощи тех, чьи интересы они выражают [10]. Вот почему в пределах данной статьи мы ограничимся только теми наднациональными институтами, которые больше всего способствуют неолиберальной глобализации мира. К ним относятся прежде всего "несвятая троица" ВБ–МВФ–ВТО, а также ТНК.

МВФ считает, что в *структурной перестройке* нуждаются страны, имеющие большой дефицит платежного баланса и большой внешний долг, завышенный курс национальной денежной единицы и большие общественные расходы, а также фискальный дефицит. *Наиболее типичными целями программ структурной перестройки* являются реструктурирование и диверсификация производственной основы экономики, достижение равновесия платежного баланса и финансов, создание базы для неинфляционного роста, повышение эффективности общественного сектора, стимулирование роста потенциала частного сектора. Для достижения этих целей МВФ требует от стран, претендующих на получение займов, осуществления следующих *экономических реформ*: ограничения роста денег и кредитов, девальвации национальной денежной единицы, реформирования финансового сектора, реализации мероприятий по генерированию доходов, обеспечения мер по сбору денежных средств с индивидов, домохозяйств и деловых единиц за проданные товары и услуги, реформирования налогового кодекса, упразднения субсидий, особенно на продовольствие, введения компенсаторных программ занятости, создания доступных служб для бедных. МВФ также требует проведения этими странами *реформ по либерализации торговли*, которые сводятся

к устранению высоких тарифов и импортных квот, восстановлению экспортной инфраструктуры, увеличению цены производителей. *В сфере правительственных реформ* МВФ настаивает на сокращении выплачиваемых служащим сумм, приватизации госпредприятий, реформировании публичных институтов. *В области политики частного сектора* МВФ принуждает к либерализации контроля над ценами и упразднению правительственных монополий [11, с. 220].

Реализация этих мер, по мнению бюрократии МВФ, приведет к сужению пропасти между бедным Югом и богатым Севером. В действительности ничего подобного не происходит, социальная поляризация растет и достигла апогея на пороге XXI в. В 2004 г. разрыв между группой стран с высоким уровнем доходов, где проживает так называемый "золотой миллиард" (1004 млн чел., или 15,8% населения Земли) и группой стран с низким уровнем доходов, где сосредоточен "полюс бедности" (2343 млн чел., или 36,8% населения мира), по объему ВВП составил 27 раз, а на душу населения – 63,3 раза, по доле в объеме экспорта товаров – 31,3 раза, по рыночной капитализации активов – 786,5 раза, по затратам на здравоохранение на душу населения – 115 раз [12, с. 7]. Как отмечает исполнительный директор американской организации "War on Want" Джон Хилари, условия предоставления помощи ВБ–МВФ странам Африки привели к потере ими двух десятилетий в 1980–1990-е гг. в плане развития. В 1980-е гг. 3 из 4 африканских стран, которые подверглись экономическому реструктурированию ВБ–МВФ, испытали падение доходов в расчете на душу населения [13, с. 80–81]. Экспансия "нового глобального неолиберального экономического порядка" под эгидой ВБ–МВФ сопровождается дальнейшим расслоением между бедными и богатыми и в бедных, и в богатых странах, где богатые становятся все богаче, а бедные – все беднее.

Вторым субъектом "глобального неолиберального экономического порядка" служит ВБ, предлагающий государствам проекты экономического развития и ссужающий денежные средства на их осуществление. Насколько действенной была помощь ВБ беднейшим и наименее развитым странам (НРС), можно судить на основании доклада Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) "Наименее развитые страны. Доклад, 2010 год". В нем отмечается: "В последние три десятилетия НРС следовали стратегии развития, призванной высвободить творческий потенциал рыночных сил в результате ограничения роли государства в процессе развития... Это ясно показало, что рынки могут быть не только созидательной, но и разрушительной силой" [14, с. I]. В подтверждение этого авторы обзора ЮНКТАД ссылаются на то, что в последнее десятилетие только две страны смогли выйти из группы НРС, а количество стран, относящихся к НРС, удвоилось. НРС вступили в новый век примерно с тем же уровнем реального душевого дохода, который они имели в 1970 г. После этого их душевой ВВП существенно вырос в реальном выражении, однако разрыв между ними и другими развиваю-



щимися странами продолжал возрастать. В 2007 г. 53% население НРС жило в крайней бедности (то есть меньше чем на 1,25 долл. в день) и 78% меньше чем на 2 долл. в день. Всего в этом году в НРС в нищете проживало 421 млн чел. Число таких людей в НРС в течение последних 20 лет продолжало возрастать. К 2007 г. оно в два раза превысило показатели 1980 г. В связи с этим авторы доклада отмечают: "За последнее десятилетие произошел ощутимый сдвиг в осмыслении проблем развития, в частности после глобального финансового и экономического кризиса, когда все активнее ведется поиск новой парадигмы развития... Новая парадигма более не отдает приоритета частному сектору и рыночным силам за счет государственного сектора и роли государства, равно как и не ставит торговлю выше производства" [14, с. II].

Третий субъект "глобального неолиберального экономического порядка" – это ВТО, унаследовавшая либеральные принципы Генерального соглашения о тарифах и торговле. Они заключаются в поддержке либерализации торговли как двигателя экономического роста и развития; исключения дискриминации в торговле посредством предоставления статуса наиболее благоприятствуемой нации торговым партнерам; эксклюзивного использования тарифов как устройств для защиты внутренних рынков; привилегированного доступа на рынки развитых стран продукции из стран Юга с целью стимулирования экономического развития Юга. Однако ВТО все более превращается в "улицу с односторонним движением", так как защищает интересы Севера за счет принесения в жертву интересов Юга. "Свободная торговля и открытые рынки капитала стали главными средствами получения преимуществ монопольными силами, которые базируются в развитых капиталистических странах и уже занимают господствующее положение в торговле, производстве, услугах и финансах в пределах капиталистического мира" [13, с. 83], – пишет заслуженный профессор Городского университета Нью-Йорка Дэвид Харви.

Важным субъектом "глобального неолиберального экономического порядка" являются ТНК, которые вышли на мировой рынок после Второй мировой войны и стали быстро расти в последние десятилетия. В 2007 г. в мире насчитывалось примерно 79000 ТНК и 790 тыс. их иностранных филиалов (в 1970 г. – 7000 ТНК). Суммарный объем их ПИИ в том же году превысил 15 трлн долл., а совокупный объем продаж составил 31 трлн долл., или на 21% больше по сравнению с 2006 г. По оценкам ЮНКТАД, объем добавленной стоимости иностранных филиалов ТНК во всех странах мира составил 11% от мирового ВВП, а число работников в них возросло приблизительно до 82 млн чел. Верхние позиции в списке 25 крупнейших нефинансовых ТНК в мире занимают такие гигантские компании обрабатывающей и нефтяной индустрии – "Дженерал Электрик", "Бритиш петролеум", "Шелл", "Тойота", "Форд". Неуклонно укрепляют свои позиции также ТНК сферы услуг: в 1997 г.



в списке 100 крупнейших ТНК фигурировало всего лишь семь таких компаний, в 2006 г. – 20 [15, с. 3–4]. Для более полного представления об экономическом могуществе ТНК достаточно вспомнить о том, что половину крупнейших экономик в мире сегодня составляют не государства, а именно ТНК.

Для повышения своей конкурентоспособности ТНК все чаще переносят свое производство в развивающиеся и бывшие социалистические страны. Страны третьего мира и с так называемой "переходной экономикой" являются притягательным магнитом для ТНК, так как в них имеется дешевая рабочая сила и дешевое сырье, а законодательство в области охраны окружающей среды и государственного регулирования социально-трудовых отношений, как правило, необременительно для ТНК или может изменяться по требованию ТНК. Мощным локомотивом, прокладывающим путь ТНК в эти страны, служит неолиберальная политика западных капиталистических государств и международных финансовых и торговых институтов, направленная на либерализацию производства и торговли, снятие барьеров на пути движения капиталов. Эта политика всемерно содействует глобальной экспансии развитых капиталистических государств и гальванизирует отсталость стран, принимающих ТНК. В результате ее осуществления ТНК во второй половине XX в. стали главной движущей силой неолиберальной глобализации.

В погоне за максимальными прибылями ТНК все чаще переносят центр тяжести в своей деятельности в страны, возникшие в постсоциалистическом пространстве, в поисках дешевой рабочей силы для выполнения в основном рутинных трудовых операций. С этой целью ими внедряются в практику новейшие механизмы прямых капиталовложений на исключительно выгодных условиях для инвесторов. В результате, как отмечают многие западные исследователи, в настоящее время пот, слезы и кровь, опасные, дымные и грязные производства стремительно перемещаются с "глобального Севера" на "глобальный Юг", где с помощью местной компрадорской буржуазии для ТНК создаются благоприятные режимы накопления в ущерб интересам своих стран. Компрадоры обеспечивают институциональную структуру для быстрой мобильности капитала во всех формах в нынешний период финансиализации экономики, когда деньги делают деньги, минуя производственную сферу.

Глобальная экспансия ТНК влечет за собой и позитивные, и негативные социальные последствия в принимающих странах. С одной стороны, они обеспечивают производство потребительских товаров, обучение и повышение квалификации местной рабочей силы, передачу относительно новых технологий; с другой – ТНК ради преумножения своих прибылей игнорируют принципы "социальной ответственности бизнеса" в принимающих странах. К этому следует добавить, что ТНК вкладывают ПИИ не в те страны, где они больше всего нужны, а в те, где они ожидают получения наибольшей выгоды.



ТНК, гонимые за прибылью, создают огромное экономическое неравенство. 100 крупнейших корпораций мира владеют сегодня примерно 80% мирового богатства. Весь ВВП всех стран Африки южнее Сахары меньше суммарного дохода корпораций "Дженерал Моторс" и "Форд", а "ЭксонМобил" является более крупной "экономикой", чем экономики 180 стран мира. В США менее 1% населения владеют примерно половиной акций, выпущенных в обращение, и общего траста-фонда акций, двумя третями финансовых ценных бумаг и более чем третьей частью всего богатства страны. В 2007 г. среднее корпоративное должностное лицо в 500 крупнейших компаниях США по данным фирмы "Standard & Poor" получало жалование в размере 14,2 млн долл., что в 364 раза больше зарплаты среднего рабочего. Средний недельный заработок 80% американцев, принадлежащих к "среднему" и "более низкому" классам, уменьшился на 18% с 1973 г. по 1995 г. (и продолжает снижаться в наши дни), тогда как реальная годовая зарплата американских корпоративных должностных лиц выросла на 20%. Концентрация богатства в руках немногих усилила глобальное неравенство в последние годы. Общее богатство корпоративных миллиардеров с 2006 по 2007 г. выросло на 35%, их доходы перевалили за 3,5 трлн долл. Доходы же 55% людей из шестимиллиардного населения Земли либо стагнировали, либо уменьшились. 100 млн населения мира обладает сейчас большим богатством, чем 3 млрд людей. Самые богатые 20% населения мира получают 83% мировой общей суммы дохода, тогда как беднейшим 20% достается всего лишь 1,4% мирового валового дохода [16, с. 11–12].

"Пекинский консенсус" vs "Вашингтонский консенсус". Провал "Вашингтонского консенсуса" в деле обеспечения высоких темпов экономического роста вызвал возмущение во всем мире на изломе веков, когда стало ясно, что те страны, которые добились высоких темпов роста в конце XX – начале XXI вв., например, Китай и Индия, не руководствовались догмами "Вашингтонского консенсуса" и не проводили структурные реформы ВБ–МВФ. Под их эгидой критики реформ указывали на то, что они являются попыткой навязать рыночный фундаментализм странам "третьего мира". В результате этого инициаторы нелиберальных реформ признали ошибочный характер "Вашингтонского консенсуса" и решили дополнить его 10 пунктами, чтобы затем представить его как обновленный "постВашингтонский консенсус". Эти новации сводились к таким положениям: 1) улучшение корпоративного управления; 2) борьба с коррупцией; 3) создание гибких рынков труда; 4) совершенствование соглашений по линии ВТО; 5) учреждение финансовых кодексов и стандартов; 6) "благоразумное" открытие счетов движения капиталов; 7) установление режимов курса обмена валют без посредников; 8) создание независимых центральных банков/борьба с инфляцией; 9) учреж-



дение сетей социальной безопасности; 10) преследование цели уменьшения бедности [17, с. 117].

Однако многие положения "постВашингтонского консенсуса" относительно усиления регулирования экономики и облегчения участи населения в ходе реформ остаются до сих пор не выполненными. Насколько успешными были регулятивные меры обновленного "консенсуса", показало втягивание капиталистической экономики в очередной кризис. Что же касается решения самой острой проблемы современности – борьбы с бедностью, то сегодня уже прозвучало признание сильных мира сего в том, что намеченные Цели Тысячелетия ООН – покончить с бедностью к 2025 г. – не будут выполнены, так как бедность после вступления человечества в новый век не только не уменьшается, но и упорно растет. Иного результата и быть не могло при безразличном отношении к решению проблемы обнищания народов со стороны богатых стран. Взяв на себя обязательство ежегодно расходовать с этой целью в виде оказания помощи развивающимся странам в рамках Проекта Тысячелетия не менее 0,7% ВВП, многие богатые страны игнорируют его почти в полном объеме (например, взнос самой богатой страны мира – США – в фонд помощи развитию развивающихся стран составляет всего 0,15% ВВП) [17, с. 121].

В настоящее время неолиберальная парадигма, которая завела глобальный капитализм в исторический тупик, все чаще подвергается жесткой критике. Главными критиками неолиберализма и западных проектов экономического роста и развития в современном мире чаще всего выступают неокейнсианцы, посткейнсианцы, институционалисты и марксисты [18, с. 31–33].

Неокейнсианцы акцентируют внимание на провалах в регулировании капиталистической экономики в течение последних 20 лет и обосновывают необходимость возвращения к регулированию корпоративной и финансовой сферы. С целью вывода капиталистической экономики из кризиса они призывают к восстановлению ликвидности финансовых институтов за счет использования общественных фондов. Долгосрочная цель неокейнсианцев – реформирование капитализма, то есть сохранение статус-кво с использованием финансового регулирования. *Посткейнсианцы*, которых все чаще называют "левыми" кейнсианцами, подчеркивают неустойчивость капиталистической экономики и выступают за интеллектуальное, политическое и экономическое возвращение ко временам "кейнсианской революции", призывают к новому реформированию социальных и экономических институтов.

Институционалисты следуют в русле учений Торстейна Веблена, Карла Поланьи, Джона К.Гэлбрайта и их последователей и делают акцент на том, что рынки создаются институтами, включая институт государства. По их мнению, в наши дни выбор лежит не между государственным регулированием и государственным нерегулированием, а между институциональными уст-



ройствами, которые действуют в интересах живущих в достатке, и устройствами, которые направляют усилия на сокращение неравенства.

Марксисты указывают, что в настоящее время мир капитала переживает системный кризис, ибо сама капиталистическая система генерировала корпоративные жалования и бонусные выплаты астрономических размеров, переустройство финансовых средств в более новые и рискованные формы ради извлечения прибыли. Эта же система привела к расширению неравенства в еще больших масштабах, особенно в США, ставших эпицентром кризиса.

Несмотря на возрастающее признание вступления человечества в "пост-неолиберальную" эпоху, действенных альтернатив неолиберализму в западной "экономике" сегодня нет. Американский экономический мейнстрим, побивший все рекорды по количеству лауреатов Нобелевской премии, до сих пор не смог представить на суд общественности научные работы, в которых содержался бы серьезный анализ причин нынешнего кризиса, основательно подорвавшего легитимность неолиберализма. Исследуя положение в экономической науке США, Джеймс Гэлбрейт (сын известного американского экономиста Джона Гэлбрейта) пишет: "Причина не в том, что нет новейших работ, посвященных исследованию природы и причин финансового коллапса. Такие работы есть. Но линия дискурса, в ходе которого обсуждаются эти вопросы, обособляется, перемещается на обочину в пределах академической экономики. Статьи, в которых дискутируются эти проблемы, передаются во второстепенные журналы, даже в бюллетени и блоги. Ученые, которые изменяют своему скептицизму и проявляют интерес к этим проблемам, лишаются участия в академической жизни – или, если они остаются, их отправляют в широкую сеть меньших университетов штатов или колледжей либеральных искусств. Там их смогут надежно игнорировать" [19, с. 87].

За неимением собственных альтернатив неолиберализму западники все пристальнее присматриваются к опыту 30-летних китайских рыночных реформ, которые чуть ли ни с первых лет привели к улучшению положения в экономике и жизни людей и до сих пор удерживают высокие темпы роста.

Одной из главных особенностей нового экономического курса Китая следует считать то, что подъем жизненного уровня населения в КНР стал не следствием, а предпосылкой реформ, в рамках которых в самом начале были смещены акценты от "накопления" к "потреблению". Своего рода "потребительским допингом" стало увеличение в 1979 г. на 25–30% закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию при одновременном снижении налогов, а также повышение в октябре того же года тарифных разрядов у 2/5 рабочих и служащих, что в конечном счете привело к росту денежных доходов в городах примерно на 40%. В целом потребительские доходы в 1978–1980 гг. выросли на 16%, что полностью совпало с ростом ВВП и даже превысило рост общественной производительности труда [20].



На втором этапе реформ в 1990-е гг. в центре внимания оказались госпредприятия, которым было предоставлено право на получение части произведенной прибыли. С 1987 г. их перевели на систему подрядной хозяйственной ответственности и положили конец их полной зависимости от бюджетного финансирования. В итоге заметно снизилась сфера директивного планирования; снабжение сырьем и оборудованием, реализацию продукции стали все больше переключать на рынок. До 1992 г. существовал своего рода паритет директивных и рыночных цен, на разнице между которыми наживались дельцы. В 1992–1993 гг. почти повсеместно были введены свободные цены на зерно и другие сельхозтовары, отменена карточная система распределения.

Проведение серии налоговых реформ, разделение бюджета на две части (регулярный бюджет и бюджет развития), бесприбыльное кредитование отстающих районов и отмена директивного планирования экспорта и импорта предприятиями при одновременном сохранении жестких протекционистских мер на важнейшие импортируемые товары, госмонополия на ряд товаров за последние три десятилетия позволили Китаю совершить немислимый модернизационный рывок. Согласно официальной статистике, за 1993–2009 гг. рост ВВП составил примерно 290%, а среднегодовые темпы прироста ВВП превысили 10%. КНР не просто вышла на второе место в мире по объемам экономики, а фактически стала крупнейшей промышленной державой мира: на долю промышленного производства здесь приходится не менее 50% ВВП, то есть около 2,5 трлн долл. У США этот показатель ниже – менее 2 трлн долл. (правда, население США почти в пять раз меньше китайского) [21].

Потоки ПИИ в экономику Китая стремительно растут: в 2004 г. они составили 60,6 млрд долл.; в 2005 г. – 72,4; в 2006 г. – 72,7; 2007 г. – 83,5; в 2008 г. – 108,3 млрд долл. В 2008 г. доля Китая в притоке ПИИ в мире составила 6,4%, а в оттоке ПИИ из Китая – 2,8%. По итогам 2008 г. Китай согласно рейтингу инвестиционной привлекательности Конференции ООН по торговле и развитию занял третье место в мире [22, с. 9].

На первый взгляд, успех экономических реформ в Китае является реформаторским искусством китайского правительства, которое якобы в построении модели динамичной экономики отказалось от либеральной идеологии. Это, по сути, несколько лет назад признал и автор "конца истории" Фрэнсис Фукуяма, заявив, что у либеральной демократии есть серьезный соперник в лице "мягкого авторитаризма". Его образцом Ф.Фукуяма считает Сингапур, а одним из отцов – Ли Куан Ю, премьер-министра, правившего этим островным государством с 1959 по 1990 г.

Однако с такой точкой зрения согласиться нельзя. Жизнь убеждает нас в противоположном. КПК, используя социалистические лозунги после возврата к власти Дэн Сяопина, стала постепенно и целенаправленно формировать разновидность "семейного капитализма". Суть последнего состоит в том,



что частная собственность существует в нем преимущественно в форме собственности отдельных семей или партнеров, возникающих на базе семейных кланов. Тем самым в стране воспроизведена новая модель капитализма, в которой переплелись и взаимодействуют традиции тысячелетнего китайского семейного бизнеса и современных моделей западного образца.

Китайская модель развития базируется на принципах, во многом отличных от "Вашингтонского консенсуса". Во-первых, в КНР сохраняется авторитарный режим, проводится постепенная, а не обвальная демократизация. Во-вторых, в начале реформ Китай осуществлял постепенное дерегулирование цен, а сегодня осуществляет постепенную экономическую либерализацию. В-третьих, в КНР негосударственный сектор создавался с нуля, а не в результате широкомасштабной приватизации, а также соблюдается плюрализм форм собственности и контроля. В-четвертых, в Китае осуществляется сильная экспортно-ориентированная промышленная политика. В-пятых, в КНР занижается валютный курс через накопление валютных резервов, что служит инструментом стимулирования экспортно-ориентированного роста [23, с. 346].

Поскольку "Пекинский консенсус" преследует цель достижения экономического роста с помощью государства при обеспечении независимости и национальных интересов в условиях стабильности, он может использоваться и другими развивающимися странами. Основными элементами "Пекинского консенсуса" являются: 1) инновационное развитие экономики, создание специальных экономических зон; 2) минимизация роли правительства в решении экономических и социальных проблем; 3) сбалансированный качественный устойчивый рост в условиях поступательного движения реформ; 4) "либерализация" собственности; 5) открытость страны не только для иностранного капитала и ТНК, но и для внедрения новейших управленческих институтов и идей; 6) совершенствование духовной, социальной и политической сфер общества; 7) развитие большей самостоятельности и независимости индивидов [24, с. 65–69].

Несмотря на то, что "Пекинский консенсус" имеет ряд преимуществ перед "Вашингтонским консенсусом", характер и первого, и второго неолиберальный со всеми вытекающими отсюда последствиями. На это обращает внимание китайский экономист Ю Уэнли, который пишет, что неолиберальная трансформация государства под руководством КПК привела к обострению в КНР четырех главных проблем: 1) увеличение разрыва между богатыми и бедными представляет собой вызов социалистической распределительной системе; 2) приватизация находящихся в государственной собственности предприятий и "находящихся в государственной собственности активов" наносит ущерб социалистической "коллективной системе собственности"; 3) правительственное "нарушение функционирования" или "неправильное поведение" на рынке наносит урон социалистической рыночной экономической системе; 4) "сельско-городская sdвоенная экономическая структура" и увеличение раз-

рыва между регионами наносит ущерб сбалансированному развитию национальной экономики. В результате китайское общество, которое было одним из наиболее равных в мире, превратилось в одно из наиболее неравных. КНР стала обществом риска, где ответственность за занятость, социальное обеспечение, образование, здравоохранение, смягчение бедности, защиту окружающей среды все больше перераспределяется между правительством и НПО, между коллективом и индивидами в пользу последних [25, с. 113–114]. С этой точки зрения нельзя рассматривать "Пекинский консенсус" как альтернативу "Вашингтонскому консенсусу" и как образец для подражания.

Как отмечают многие исследователи, между неолиберальной теорией и практикой существует значительный разрыв. Это касается прежде всего роли государства, которое "играет активную, в действительности активистскую, роль во внедрении, претворении в жизнь и воспроизводстве неолиберализма" [26, с. 13]. Утверждение тэтчеризма и рейганизма в Великобритании и США не привело к уменьшению веса государства в экономике. "Доля государственного сектора в общей экономической активности либо осталась неизменной (около 35–40% ВВП), либо, как в Соединенном Королевстве, даже увеличилась почти до 45%. Вместо "возвращения на более низкий уровень государства", как обещали Тэтчер и Рейган, неолиберализм расширил государственное регулирование недавно приватизированных коммунальных предприятий и других частей экономики" [27, с. 47]. В этом контексте требования западных стран приватизировать все и вся и превратить государство в бывших социалистических странах в "ночного сторожа" еще раз подтверждают, что зарубежные "наставники" стран с "переходной экономикой" руководствуются принципом "делайте не так, как делаем мы, а так, как мы вам говорим".

Камо грядеши, Украина, в XXI веке? В поисках выхода из исторического тупика, в который бывшие социалистические страны загнал глобальный неолиберальный капитализм, нельзя игнорировать опыт, экономические и административные методы, приемы и инструменты, которые использовались в экономической политике СССР. Они весьма значимы для развития экономик развивающихся стран и, судя по всему, некоторые из них могут быть весьма полезны для Украины в настоящее время. Для этого следует отказаться от предвзятого отношения к УССР, характерного для "политической элиты" Украины на протяжении последних 20 лет, и исходить из принципа беспристрастного научного исследования и применения лучшего прошлого опыта, который в сжатые сроки вывел Украину в число передовых держав мира. Для этого нельзя предавать забвению и, тем более, шельмованию общеизвестный факт, что в 1900–1990 гг. ВВП Украины вырос почти в 14 раз, что превышает темпы прироста мирового ВВП в данный период. В 1938–



1990 гг. в УССР было достигнуто опережающее развитие в сравнении не только с темпами роста мирового ВВП, но и США [28, с. 127].

Украина имеет выход к морю, владела развитым судостроением. Развитая система железнодорожного, автомобильного, речного и воздушного транспорта соединяет Украину с остальным миром. По геополитическим масштабам, экономическим, технологическим, оборонным и научным потенциалам Украину можно сравнивать с многими развитыми странами. По имеющимся оценкам, в расчете на душу населения природно-ресурсный потенциал Украины в 1,5–2 раза превышает ресурсный потенциал США, в 4 раза – ФРГ, в 12–15 раз – Японии [29].

К этим характеристикам Украины необходимо добавить ее весомые научно-технические достижения. Многие из них до сих пор не превзойдены в мировой практике, некоторые – доступны не более чем десятку стран в мире в настоящее время. Накопленный Украиной научный и кадровый потенциал позволил ей осуществить первую контролируемую ядерную реакцию и создать первый цифровой компьютер в континентальной Европе, построить самый огромный самолет "Мрія", авианосец XXI в. "Варяг" и самую мощную межконтинентальную ракету в мире "СС-18", а также ее гражданский вариант "Энергия", разработать сварочную систему для ведения работ в космосе, создать систему управления космического корабля "Буран" и автоматические системы стыковки космических кораблей. Стремительный прорыв Украины в будущее во многих областях НТП открывал перед ней широкие горизонты для успешного вхождения в новую экономику, основанную на знаниях.

Все это также создавало хорошие стартовые условия для интеграции нашей страны в глобальную экономику, которые были утрачены. Украина 10 лет пребывала в состоянии падения, в результате чего ее ВВП снизился до уровня 40,8%, а после следующих 9 лет роста достигла всего 74,1% ВВП от уровня 1990 г. В сравнении с 1991 г. имеющиеся реальные доходы населения сначала упали до 32,9% в 1999 г., а потом выросли до 101,3% в 2008 г. [30, с. 5]. Это означает, что 18 лет с точки зрения роста доходов населения в целом потеряно. К тому же за все это время экономика не была реструктурирована и переведена на инвестиционно-инновационный путь развития.

Факторами экономического роста в 2000–2008 гг. были инфляция и экспорт. В 2000 г. инфляция составила 28,8%, а экспорт – 18,8% при росте ВВП на 5,9%. Однако определяющим фактором в этот период стал экспорт ресурсоемкой продукции, доля которой в ВВП достигла критической отметки (более 60%). Экспортно ориентированная модель роста, сложившаяся в последние годы, хотя и поддерживала темпы роста индустриального производства, стала тормозом структурной перестройки промышленности, сохраняя ее сырьевую специализацию. Кроме того, такая модель способствует выкачиванию природных ресурсов, росту внешней зависимости и отбрасывает Украину



к наименее развитым странам мира. Одновременно происходит свертывание относительно новых научно-технологических комплексов, созданных в 70–80 гг. XX ст. Свидетельством этому является доминирование в нашей стране третьего и четвертого технологических укладов, удельный вес которых составляет почти 94% в формировании ВВП.

Экономическая модель развития в Украине характеризуется высоким удельным весом теневой экономики (по разным оценкам, от 35 до 60% ВВП) и чрезмерной нормой эксплуатации наемных работников. В силу этих обстоятельств зарплата не выполняет своих воспроизводственной, стимулирующей и распределительной функций. Ее удельный вес в доходах упал с 2007 по 2009 г. с 44,8 до 41,9%, тогда как удельный вес социальной помощи, финансируемой из бюджета, вырос с 36,7% до 39,5% [31].

Внедряемая модель неэффективна, отражает корпоративные интересы и не соответствует национальным стратегическим интересам страны. Причины этого разнообразны, но главные из них сводятся к тому, что трансформация экономической и политической системы осуществлялась по примитивной схеме адаптации к системе современного капитализма и глобализации в интерпретации ВБ и МВФ. При этом двигателями осуществляемой доктрины служат представители корпоративно-бюрократической коалиции, пытающейся реализовать свои, а не национальные интересы, парализуя тем самым массовые общественные силы, которые, пытаясь выжить, реально не способны воздействовать на воспроизводство качественно нового общественного строя.

В условиях глобального финансово-экономического кризиса положение Украины при использовании неолиберальной доктрины развития оказалось одним из худших среди развитых стран, а также стран СНГ. В Украине зафиксирован самый сильный экономический спад в 2009 г., к предыдущему году он составил 15%, тогда как в среднем по государствам – членам СНГ он был 7% [32, с. 2].

Наибольший спад в промышленности Украины пришелся на первый квартал 2009 г., когда по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. он составил 32%. В течение года темп снижения замедлился и за 2009 г. оказался равен 22%. Промышленное производство в первом полугодии 2010 г. по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. выросло в среднем по государствам – членам СНГ на 7%. При этом многими странами был достигнут уровень докризисного периода (I кв. 2008 г.) по объему производства в промышленности. В Молдове, России и Украине по этому показателю сохранилось отставание. В первом полугодии 2010 г. объем инвестиций в основной капитал в Украине снизился на 12,5% к уровню первого полугодия 2009 г. [32, с. 23]. В этих условиях рассчитывать на значительный рост экономики и благосостояния населения в ближайшее время не приходится.



Все это свидетельствует о том, что Украина вступила во второе десятилетие XXI в. в состоянии глубокого системного кризиса, поразившего все сферы украинского общества – политическую, экономическую, демографическую, духовную и культурную. Это ставит поиск новой парадигмы развития экономики Украины на повестку дня страны в качестве приоритетной задачи. Ибо дальнейшее следование Украины в русле неолиберализма, "догоняющего" и "стабильного" развития чревато необратимой деградацией всех основных компонентов государства, утратой им способности к воспроизводству своего суверенитета и, в конечном итоге, развалом нашей страны.

* * *

По какому пути пойдет дальнейшее развитие мировой цивилизации – это уравнение со многими неизвестными. Не вызывает сомнения только то, что в обозримом будущем вместо обещанного видным американским философом Фрэнсисом Фукуямой "конца истории" наступит, выражаясь словами видного американского социолога Иммануэля Валлерстайна, "конец знакомого нам мира". Каким будет грядущий новый мир, зависит от каждого из нас. Мир стоит на пороге новых великих потрясений, и долг каждого обитателя Земли состоит в том, чтобы сохранить на ней мир и жизнь. Вне всякого сомнения, решить эту глобальную проблему в рамках нынешней парадигмы развития невозможно. Следовательно, задача № 1 – в том, чтобы найти выход из тупика, в который завел человечество глобальный неолиберальный капитализм, сделавший удовлетворение "жажды наживы" своим высшим приоритетом. Но это тема уже другого разговора, который мы намерены продолжить в будущем.

Литература

1. Mudge S.L. The state of the art: What is neo-liberalism? // Socio-Economic Review. – 2008. – No. 6. – P. 703–731.
2. Кляйн Н. Доктрина шока: Становление капитализма катастроф / пер. с англ. – М.: Добрая книга, 2009. – 656 с.
3. Werlhof C. von. The Consequences of Globalization and Neoliberal Policies. What are the Alternatives? [Electronic resource]. – Mode of access: <<http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=7973>>.
4. Stiglitz J. The End of Neo-liberalism? [Electronic resource]. – Mode of access: <<http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz101/English>>.
5. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / пер. с англ. Н.С.Брагиной. – М.: Поколение, 2007. – 288 с.
6. Gilder G. Wealth and Poverty. – New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1981. – 306 p.
7. Brinkley A. The Unfinished Nation: A Concise History of the American People. – Second Edition. – N.Y.: The McGraw Hill Companies, Inc., 1997. – 1152 p.
8. Petras J. Neoliberalism and the Dynamics of Capitalist Development in Latin America [Electronic resource]. – Mode of access: <<http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=16167>>.
9. Walker C. Depression and Globalization: The Politics of Mental Health in 21st Century. – N.Y.: Springer, 2008. – 203 p.
10. Bourdieu P. The essence of neoliberalism [Electronic resource]. – Modes of access: <<http://www.analitica.com/bitblo/bourdieu/neoliberalism.asp>>.

11. *Mingst K.* Essential of International Relations. – N.Y. : W.W. Norton and Company, 1999. – 307 p.
12. *Кузык Б.* Международная торговля и справедливость: цивилизационный аспект // Справедливая торговля для всех. Как торговля может содействовать развитию / [Джозеф Ю. Стиглиц, Эндрю Чарлтон]; пер. с англ. – М. : Изд-во "Весь мир", 2007. – 280 с.
13. *Hilary J.* Africa: Dead Aid and the return of neoliberalism. – Race & Class, October-December 2010 – P. 79–84.
14. United Nations Conference on Trade and Development. The Least Developed Countries. Report 2010: *Towards a New International Development Architecture for LDCs*. – N.Y. and Geneva : United Nations, 2010. – 298 p.
15. United Nations Conference on Trade and Development. World Investment Report 2008. Transnational Corporations, and the Infrastructure Challenge: Overview. – N.Y. and Geneva : United Nations, 2008. – 43 p.
16. *Sovacool B.K.* Broken by Design: The Corporation as a Failed Technology // Science, Technology, & Society. – 2010. – March. – P. 1–25.
17. *Peet R.* Geography of Power: Making Global Economic Policy. – London : Zed Books, 2007. – 224 p.
18. *Battin T.* Is the Left Ready to Displace the Right? // Social Alternative. – 2009. – Vol. 28. – No. 1. – P. 31–33.
19. *Galbraith J.* Who are These Economists, Anyway? // Thought & Action – Fall 2009. – P. 85–95.
20. *Богомолов О.* Секреты китайской экономической кухни // Независимая газета. – 1999. – Январь.
21. *Шергин С.* Китайский фактор и Украина // 2000. – 2010. – 10 сентября.
22. Прогнозы темпов роста основных макроэкономических показателей стран СНГ на 2009-2010 гг. Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2009. – 398 с.
23. *Попов В.* "Пекинский консенсус" против "Вашингтонского": "азиатские ценности" более конкурентоспособны, чем либерализм? // Прогнозис. – 2007. – № 3. – С. 344–347.
24. *Лопатина А.Н.* От "Вашингтонского консенсуса" к "Пекинскому" // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 9. – С. 59–71.
25. *Ren H.* The Neoliberal State and Risk Society: The Chinese State and the Middle Class // Telos. – 2010. – Summer – P. 105–128.
26. *Cahill D.* Is Neoliberalism History // Social Alternative. – 2009. – Vol. 28. – No. 1. – P. 12–16.
27. *Pabst A.* The Crisis of Capitalist Democracy // Telos – Fall 2010. – P. 44–67.
28. Роль держави у довгостроковому економічному зростанні / за ред. д.е.н. Б.Е.Кваснюка ; Ін-т екон. прогноз. – К.; Х. : Форт, 2002. – 424 с.
29. Проблемы экономической оценки и использования национального богатства страны // Экономист. – 2001. – № 2. – С. 23–27.
30. Новий курс: реформи в Україні. 2010–2015 : націон. доп. / за заг. ред. В.М.Гейця та ін. – К. : НВЦ НБУВ, 2010. – 232 с.
31. *Лукашин Ю.* Если рухнет Пенсионный фонд – рухнет вся госказна // 2000. – 2010. – 26 ноября.
32. Информация о социально-экономическом развитии торгово-экономических отношений государств – участников СНГ в 2009 и первом полугодии 2010 года. Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2010. – 170 с.

Надійшла в редакцію
10.01.2011 р.